

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ МИФ
О «МИНИМАЛЬНОМ
ГОСУДАРСТВЕ»

В. Драшкович, М. Драшкович

В работе показано, что действенность института гражданского общества как средства защиты людей от произвола властей не является универсальной. Она ограничена групповыми интересами различных национальных, корпоративных и неформальных «элит», богатство и возможности которых позволяют им игнорировать и ущемлять интересы граждан. Неконтролируемые, наделенные силой и мощью, центры злоупотребляют институтом государственного регулирования и, как это ни парадоксально и иронично, проповедают и реализуют рейдерскую идеологию неолиберализма в качестве вульгаризованного институционального монизма. Через неолиберализм в переходных странах воспроизводится господство политики над экономикой. В работе обосновывается гипотеза о том, что неолиберальный миф о «мини-государстве» был ширмой для продвижения и реализации своекорыстных интересов привилегированных лиц, к выбору которых и редуцировался выбор подавляющего большинства людей, что в итоге привело к отказу от обещанных (пропагандированных) экономических свобод, конкуренции, частной собственности и предпринимательства.

Ключевые слова: институты, минимальное государство, неолиберализм.

ВВЕДЕНИЕ

Институциональные преобразования в большинстве переходных стран демонстрируют пренебрежительное отношение к таким

© Драшкович В., Драшкович М., 2012 г.

феноменам, как контроль, плюрализм, конкуренция, и благосклонное отношение к усиленному насаждению институционального монизма (неолиберализма). Отдельные экономические институты с их границами, преимуществами и недостатками не оспариваются, они просто замалчиваются и на практике не применяются. В этом и заключается весь «секрет» догматического диктата; все остальное – *клокотризм*¹.

Тотальное недоверие к экономическому институту государственного регулирования не является ни логичным, ни продуктивным. Оно не соответствует углубляющейся в XXI в. информационной, производственной, финансовой и цивилизационной интеграции. Контролируемое и взаимодействующее функционирование экономических институтов является требованием времени, которому нет альтернативы. Но лишённые тени сомнений неолибералы (квазиреформаторы) продолжают и дальше отстаивать свою несостоятельную и губительную экономическую политику. По иронии судьбы, они находятся в правительстве и близких к нему структурах. Это затрудняет осуществление реальных институциональных преобразований.

Неолибералы больше всего преуспевают в игре с привилегированными правилами поведения, включая оказание монополистического давления. И это полная противоположность институциональному поведению. Не довольно ли разрушительных последствий применения не оправдавшей себя неолиберальной модели «экономической целесообразности», которая принесла много вреда в большинстве постсоциалистических стран: опустошенная экономика, грабительская при-

ватизация², обнищание, апатия и расслоение населения, безработица, спад производства, воспроизводство кризиса, экономика завуалированной собственности³, криминализация экономики и общества, дефицит верховенства закона и т.д.? Не достаточно ли признания (с опозданием на три десятилетия) родоначальника Вашингтонского консенсуса Дж. Уильямсона об ограниченности неолиберальных рецептов? Это означает, что основная причина и барьеры на пути институционализации лежат в сфере политической системы (номенклатурных структур власти и их лоббистских связей).

1. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ

Государство постсоциалистического переходного периода рассматривается как общественное благо, которое следует разрушить и свести к минимуму (так называемому мини-государству). Это считается условием быстрого обогащения и долгосрочной защиты приобретенного нерыночным способом богатства. За данной фразой скрывается радикальный экономический неолиберализм. Отсюда не удивительно, что эффективность института государственного регулирования во многих постсоциалистических государствах весьма незначительна, поскольку политическая конкуренция в условиях перехода, как это широко внушается, не регулируется избирательным правом, просто имеет место конкуренция политиков друг с другом ради получения частной ренты (Earle et al., 1996,

¹ Клокотризм – неавангардистское движение в югославской культуре 1970–1980-х гг., существовало на базе синтеза ситуаций (= ситуаций + акций), молниеносных хэппенингов, перформанса. Здесь: организованная деятельность по ситуационному воздействию на людей с целью «затуманивания» мозгов. (Здесь и далее – примеч. пер.)

² Смысл грабительской приватизации хорошо передается метким, но не принятым в академической среде русским неологизмом «прихватизация».

³ В оригинале – «ятацкая» экономика – от серб. jatak – хранитель краденных вещей. Ее смысл в том, что реальные собственники скрываются под личиной номинальных, фиктивных, завуалированных, одним словом, псевдособственников.

р. 232). Постсоциалистические страны в этом смысле не являются исключением.

Ни один здравомыслящий человек, преисполненный благих намерений, не станет отрицать необходимости и неизбежности переориентации экономики на рыночные рельсы, но с этим связано множество проблем, если не сказать больше. Что же касается практики, то она продемонстрировала пагубность тотального доминирования одного-единственного института над другими экономическими институтами. Институциональная инфраструктура приводит к положительному синергетическому эффекту только тогда, когда она является комплексной. Без дополняющих друг друга экономических институтов невозможна успешная и рациональная координация социально-экономического развития. Нарушение институциональной взаимодополняемости, конфронтация между институтами и благоприятствование только одному из них – все это препятствует развитию и ведет к дезорганизации социально-экономического порядка. Государство – не только творец и гарант прав собственности, которыми обмениваются на рынке, но оно должно быть и контролером регулярности и закономерности данного процесса. Без этого не может быть гарантий – важнейшего элемента прав собственности. Институциональная взаимодополняемость подразумевает также правильную и законную функциональную ориентацию экономических институтов.

Накопление капитала, экономия на масштабах и другие экономические показатели *«не являются источниками экономического роста, они сами и есть рост»* (North, Thomas, 1973, p. 2). Отсутствие этих и других позитивных экономических показателей на протяжении более чем десятилетнего периода преобразований по неолиберальным экономическим рецептам – не достаточно ли одного этого для уразумения экономической несостоятельности и социальной ущербности этих рецептов? Разве не ясно было изначально, что отсутствие качественных (не говоря уж о развитых) институциональных структур, служащих источником долгосрочного эконо-

мического роста и развития, было необходимым условием грабительского «перехода»? Политико-экономические структуры управления отвечают за развитие экономической институционализации (Williamson, 2000, p. 605), но поскольку никогда – за воспроизводство неуспеха, то ничто их не обязывает подвергнуть критическому анализу неолиберальные рецепты. Зачем анализировать, когда они и так послужили идеальной основой для квазиинституционализации, прежде всего – в области социально-патологического перераспределения прав собственности. О легитимности только говорят и пишут, но в институциональном разрезе не изучают. Возникает порочный круг зависимости, в котором, как сорняк, распространяется коррупция на всех уровнях общества, мешающая развитию полнокровных рыночных институтов и механизмов конкуренции. Они практически не существуют, кроме как в риторике экономических квази-неолибералов.

В институционально-экономическом смысле, коль скоро обсуждается вопрос оптимальных границ государственного вмешательства в экономику, ясно, что необходимо определить и границы эффективности рынков. Границы вмешательства государства можно определить элементарной потребностью в нормальном, гибком и рациональном функционировании институтов смешанной экономики. Идеальных моделей нет, как нет и моделей, в равной мере пригодных для любых обстоятельств, в любое время и в любом месте. Консенсуса в отношении моделей среди представителей различных экономических школ нет. Но что касается модели «минимального государства», то в отношении нее среди так называемых либертарианцев (термин Л. Рида) имеется единодушное согласие. Разумеется, возникает множество вопросов. Устранены ли ограничения в этих моделях? Можно ли государственное принуждение заменить принуждением привилегированных лиц и групп (в основном за счет партийной монополии)? Распространяется ли экономическая свобода на всех – или только на узкую группу «из-

бранных»? Не могут ли неограниченные экономические свободы ущемить чьи-то права? Что такое экономическая свобода для меньшинства без развития общества и эволюции человечества? Не вступают ли практические проявления либертарианства в конфликт со своими собственными принципами? Не перевернуло ли либертарианство с ног на голову идею Канта о необходимости относиться к человеку как к цели, а не как к средству⁴?

Как показывает практика, парадоксы К. Поппера не могут быть решены без наличия эффективных и развитых институтов. Безграничные экономические «свободы» индивидов и использование ими нерыночных способов приобретения богатства возможны только в институциональном вакууме. Ограничительного и защитного характера воздействия на общество под силу осуществить только государству. Парадоксы Поппера указывают на необходимость создания «минимального государства», но не доказывают существования у такого государства определенных границ. Современная реализация идеи «минимального государства» на практике может привести к новым формам тоталитаризма и экономического редукционизма. Но и без такой реализации трудно отделаться от впечатления, что в некоторых постсоциалистических странах с переходной экономикой процветают определенные формы тоталитаризма меньшинства, разбогатевшего благодаря монополистическим принципам нерыночных привилегий и монистическим институциональным резонам псевдорынка, который регулируется не в соответствии с рыночными принципами, а как раз, напротив, – путем рыночных ограничений.

В этом заключался главный и непреодолимый парадокс переходного развития и причины воспроизводства постсоциалистиче-

ского кризиса. Объяснять терминологию не будем, поскольку достаточно уже написано об использовании и злоупотреблении термином «либерализм».

В постсоциалистический переходный период требовалось провести множество реформ – особенно в части экономических институтов, экономической и социальной политики. Во всех этих сегментах необходимо было осуществить государственное регулирование и контроль, но до сих пор этого не произошло. Все или почти все вышло из-под контроля. Для подтверждения основной гипотезы настоящей статьи детального анализа не требуется – достаточно лишь указать на катастрофические результаты переходного процесса в некоторых странах.

Вместо бесплодной риторики о необходимости внедрения эффективного экономического института государственного регулирования обратимся к таблице, которая содержит целевые и инструментальные параметры развития (цели и условия его осуществления). Она вполне убедительно свидетельствует в пользу необходимости активной роли государства в период экономической модернизации, не говоря уж о тяжелых периодах подъема экономики после затяжных экономических кризисов (см. таблицу). Сравнение целевых и инструментальных параметров позволяет сделать несколько заключений. Среди них – по значимости – выделим два:

первое – необходимость одновременно осуществления реструктуризации и модернизации экономики на нескольких параллельных уровнях;

второе – выборочное использование различных параметров в различных реформенных периодах, начиная от объемов и эффективности использования активных ресурсов и кончая инновациями для стимулирования экономического развития.

Приведенные параметры могут послужить своеобразным зеркалом развития. В нем можно найти ответ на вопрос, какова степень адекватности рецептов экономического развития и как они согласуются с приведенными

⁴ См. вторую формулировку категорического императива Канта: «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 270).

параметрами. Это даст возможность оценить их обоснованность в нынешнем переходном периоде, а также строить долгосрочные стратегии экономического развития.

Как известно, институты, эффективно действующие в одних странах, оказываются не так эффективны, как в других. Объясняется это несоответствием, плохой подгонкой (*bad fit*) институтов к конкретным локальным условиям и особенностям (Berkowitz et al., 2003, p. 165–195). Практика переходного периода убедительно показала, что макроэкономические и иные неолиберальные экономические рецепты, по сути, непригодны к условиям нерелевантной постсоциалистической микроэкономической среды, которая характеризуется слабостью предпринимательства и частного сектора, институциональным вакуумом и господством монополистических структур.

Примечательно, что дискуссионные и, возможно, пагубные неолиберальные рецепты ни разу не применялись в странах их происхождения! До чего же довела вульгаризация приведенных теоретических рецептов, демонстрирует печальный опыт многих стран.

Институт государственного регулирования понадобился бы для успешного реше-

ния стандартных проблем внешних эффектов, о чем и свидетельствует практика развитых стран. Его деградацией в переходном постсоциалистическом периоде объясняется как нельзя лучше чрезвычайно большое число внешних эффектов, негативное воздействие которых на экономическую систему привело к ее деструкции. Но в развитых странах существует еще один важный, можно сказать дополнительный фактор решения проблемы негативных экстерналий. Речь идет о социальной корпоративной ответственности – средства контроля над внешними эффектами на основе защиты интересов заинтересованных лиц (стейкхолдеров), а не ориентации бизнеса на прямой коммерческий интерес и потребности рынка (Varon, 2001, p. 7–9). Можно ли говорить о присутствии – и если да, то в какой мере, – такого фактора в странах с переходной экономикой?

2. ИЛЛЮЗИЯ «МИНИ-ГОСУДАРСТВА»

Нет сомнений, что экономический институт государственного регулирования, по-

Таблица
Целевые и инструментальные параметры переходной экономики

Целевые параметры	Инструментальные параметры
<ul style="list-style-type: none"> • Сильное и эффективное государство, участвующее в создании и поддержке комфортной институциональной среды. • Устойчивое развитие диверсифицированной и конкурентоспособной экономики. • Институциональная среда, способствующая реализации предпринимательской инициативы. • Общественно-политическая система, уважающая интересы граждан, выборность и сменяемость высших органов власти и наличие активных взаимосвязей между гражданами и властью. • Наличие неформальных институтов, отражающих специфику национальной культуры и обеспечивающих терпимость граждан к другим культурам. • Разумная открытость экономики и общества 	<ul style="list-style-type: none"> • Качественные институциональные рамки. • Развитая производственная инфраструктура. • Высокая макроэкономическая стабильность. • Эффективное здравоохранение и образование. • Эффективный рынок товаров. • Эффективный рынок труда. • Высокоразвитый финансовый рынок. • Готовность экономики к использованию самых современных технологий. • Значительные размеры рынка, на котором действуют отечественные фирмы. • Высокоразвитые формы взаимодействия бизнеса в обозначенных экономических границах. • Эффективная национальная инновационная система

Источники: The Global Competitiveness Report 2008–2009. World Economic Forum, 2008. P. 3–7.

литически структурированный и детерминированный, в переходном периоде оказался инструментом в руках отдельных (избранных, привилегированных) пользователей и что таким примитивным образом он сыграл свою покровительственно-распределительную роль в виде неолиберальной стратегии. В контексте этого следует отметить настойчиво насаждаемую и активно пропагандируемую идею о так называемом мини-государстве.

Вместо того чтобы прокомментировать, проанализировать и охарактеризовать жизнеспособность этой идеи, зададимся элементарным методологическим вопросом – в каком смысле государство должно быть «мини»? В экономическом (что означало бы отказ от многих макроэкономических инструментов), правовом (принижение верховенства закона), социальном (сокращение социального равенства), политическом (сворачивание демократии и т.д.) или в смысле ограничения государственного суверенитета под натиском глобализации?

Нам, конечно, знакомо теоретическое понятие «минимального государства», призванного обеспечить стабильную нормативно-правовую базу, чтобы люди могли делать свою работу без чрезмерного политического вмешательства. Это понятие восходит к традиции либерализма Локка, в которой развивается идея общества, состоящая из отделенных от государства индивидов. В какой мере уместны такие идеалистические концепции применительно к всевозможным порочным проявлениям оппортунистического поведения людей (преследующих свои интересы с помощью коварства), действия которых расходятся с общими интересами и не согласуются с принципом Парето? Вряд ли кто может испытывать серьезные сомнения в отношении либерально-демократической традиции с ее демократическим государством в качестве институционального механизма, формулирующего частные и общие интересы общества. Последующая, однако, после крушения социализма практика слабо вписывается в эту модель. Когда либералы твердят о том, что го-

сударство не имеет более высоких целей, чем благосостояние людей, к чему это относится – ко всем лицам или только к избранным?

Не стоит забывать вопрос, поставленный некогда Дж.С. Миллем, о том, «как соотносятся индивидуальная независимость и общественный контроль» (Mill, 1988, s. 45 (Милль, 1993, с. 11)), а также мысль об оправданности «минимизации» государства только одним случаем, – когда оно «ограничено узкими функциями защиты от насилия, воровства, мошенничества, нарушения условий контракта и т.д.», верно схваченную Р. Нозиком (Čakardić, 2006, s. 856). Постсоциалистическую практику следует рассматривать через призму этих идей, а также ответов на два вопроса: 1) было ли государство переходного периода инструментом в руках отдельных пользователей (привилегированных, избранных) и 2) выполняло ли оно покровительственно-перераспределительные функции, скрытые под ширмой неолиберальной стратегии?

Напомним, что либеральная и марксистская экономические теории в действительности представляют собой специфические версии абстрактной системы Рикардо: по Марксу, государство должно исчезнуть, нечто подобное встречаем и у неолибералов, согласно которым государство следует свести к минимуму. Но история показывает, что в условиях серьезного кризиса мир отказывается от теоретических экономических рецептов и прибегает к государственному вмешательству в экономику. Таким образом, *государство сохраняется!*⁵ И поскольку в тотальном недоверии к государству, как отмечалось ранее, нет ни логики, ни здравого смысла (по крайней мере, в условиях кризиса), а также коннотации с глобальными тенденциями развития, то ничего иного не остается, как искать выход в контролируемом и взаимодействующем

⁵ В оригинале: *država se održava!* – государство сохраняется, держится и, несмотря на потуги его уничтожить, выживает и продолжает жить (неточным и тусклым подобием сербского может служить русское: *держава держится!*).

щем функционировании различных экономических институтов.

По мнению Л. Турроу, существует необходимость в корректирующих функциях института государственного регулирования, выступающих в роли институциональных факторов, дополняющих механизм рыночного регулирования. Причины неэффективного функционирования свободного неконтролируемого рынка (Mesarić, 2006, s. 627) приводятся ниже:

- ценовая эластичность многих товаров низкая (снижение или повышение цены слабо сказывается на изменении спроса, что ведет к снижению действенности рыночных механизмов саморегулирования);

- модель ценовой конкуренции строится из предположения относительно однородности всех товаров, что не соответствует действительности;

- большинство экономических агентов принимают решения в условиях неполноты информации (знаний) относительно соответствующих фактов, а зачастую и большой неопределенности в отношении будущего;

- что является рациональным и эффективным в краткосрочной перспективе, может оказаться нерациональным и неудачным в долгосрочном периоде;

- решения и поступки людей (выбор, ранжирование, предпочтения и пр.) часто мотивированы их личными навыками, привычками, предпочтениям и предрассудками, человек – в такой же степени эмоциональное, как и разумное существо, и его экономические решения не всегда рациональны.

Теоретический подход к государственному регулированию предполагает обращение к нему во всех случаях неэффективного функционирования механизма рыночного регулирования, угрожающего экономическому росту и устойчивому экономическому развитию. Поскольку в большинстве постсоциалистических стран, едва насчитывающих два десятилетия, такого вмешательства в экономическую политику не было, трудно ее, на первый взгляд назвать кризисной. Но практика

свидетельствует об обратном. Вот некоторые факты: обострение экономических проблем, разрушение социальных объектов и их передача узкому кругу лиц (*для незаконного использования в собственных целях*), резкое социальное расслоение и обнищание населения, высокая безработица и фиктивная занятость, процветание черного и серого рынков, появление многочисленных экономических диспропорций и острого дефицита, эрозия экономической структуры, партийные и частные монополии на экономическое развитие, криминализация экономики и общества, переклест общественно-патологических явлений. Все это в социально-трансформационном, формационном и цивилизационном плане привело к возврату исторической точки к состоянию рекомбинантного и мутантного порядка, в котором экономическая политика напоминает балаган с марионеточными партиями и лицами, служащими, по-видимому, только для сохранения власти и наращивания активов. Это – состояние полного пренебрежения к ключевым изменениям (инновациям) и, очевидно, к институциональным решениям. А что бы доводило их до экономических институтов – государственного регулирования, рыночного регулирования и собственности, если не экономическая политика? Не трудно сделать логический вывод, почему этого не произошло (Dražković, Drašković, 2009, s. 613).

Наконец, мы являемся свидетелями того, что несмотря на то, что многие волны глобализации разрушили барьеры узких национальных рынков и способствовали созданию международных монополий, выжили (и расширились за счет новых сегментов) и национальные рынки, и отечественные монополии, нуждающиеся в регулировании (ограничениях), – феномен макроэкономической политики, ориентированный на удовлетворение общих интересов и не отрицаемый даже самыми либеральными экономистами-теоретиками. Пока, по крайней мере, будут сохраняться оазисы экономического суверенитета отдельных государств, будет нужен и институт государственного регулирования. Обсуждение

границ и желательных форм регулирования выходит за рамки настоящей статьи, хотя дискуссий на эту тему было множество. Значение же имеет только то, что определяющей должна стать политика, а не теоретизирование экономистов.

Несмотря на все притчи про индивидуализм и ослабление экономической роли государства, практика развитых стран Запада свидетельствует о значительном усилении его роли в повышении конкурентоспособности отечественных предприятий на внешнем рынке, развитии инфраструктуры, науки, средств связи, сбора информации, модернизации и адаптации системы налогообложения и т.д. Несмотря на сокращение некоторых государственных функций, связанных с социальной защитой населения, управлением внешней торговлей и воздействием на национальную конъюнктуру, участие бюджета в ВВП остается неизменным, если не усиливается. Растет число экологических, санитарных и других технических норм и стандартов, которые государство включает в рамки своей структурной политики. Ужесточаются ограничения на иммиграцию рабочей силы. Исходя из сказанного более уместно говорить о реформе института государственного регулирования, чем о его дерегулировании.

Многие глобальные компании обязаны своим существованием большим общественным субсидиям и другим правительственным мерам, растет шквал протекционизма, государственное вмешательство на местном рынке становится все более экстремальными, привычнее перенос убытков отдельных компаний на общество, при этом «не менее двадцати компаний из списка Fortune 100 не выжили бы, не будь они спасены своими правительствами, обобществившими их убытки» (Chomsky, 1999, s. 45).

Газета «Уолл-стрит джорнал» отмечает, что «в мае 2009 г. США ввели новые тарифы на импорт стальных труб из Китая, а в июне Китай ввел новые барьеры на пути экспорта кислоты для производства полиэфирных полиэстеров. Набирает ли обороты новый виток

протекционизма, и может ли это превратиться в глобальную торговую войну? Кроме того, – говорится в той же газете, – антидемпинговые и другие защитные меры в 2009 г. выросли на 31% по сравнению с предыдущим годом, в котором заинтересованность промышленности в новых ограничениях на импорт была удовлетворена, и они были увеличены на 34% по сравнению с 2007 г. Все выглядит так, словно протекционизм является одним из крупнейших противников глобализации, в реальности же имеет место стратегическое взаимодействие ТНК и правительства. Это означает, что многие компании, которые называют себя “частными”, находятся в сильной зависимости от протекционизма и субсидий государства» (Davis, 1997, p. 12). Государственное регулирование находится под прессом императивов финансирования гонки вооружений, решения экологических проблем, обеспечения международной конкурентоспособности и реструктуризации организационно-управленческих рычагов экономики и стимулирования творчества (Drucker, 1999, p. 17).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация неолиберальных монистических институциональных рекомендаций в стране их происхождения и на глобальном уровне выявила их пагубность и деструктивность. Псевдореформы не только не заполнили образовавшийся после краха социализма внушительный институциональный вакуум, но и привели к его расширению и превращению в квазиинституционализацию.

Неолиберальные экономические мифы ориентированы на доминирующие интересы. Они суть изощренные, цинично состряпанные и антигуманные формы мошенничества и манипулирования людьми, проведенные под фальшивым лозунгом разрешения противоречий индивидуального и коллективного. Это привело к минимальному государству с

максимальным обогащением (не рыночным, а льготным) горстки субъектов. Поэтому они отождествляют вульгарно институциональный плюрализм с коллективизмом.

Диалектика экономического развития доказала необходимость ресурсно-распределительного, организационного, инновационного, мотивационного, институционального и информационного комбинирования и плюралистического сочетания всех экономических и иных институтов. В интересах социально-экономического развития необходимо срочно преодолеть все догматические и квазиинституциональные формы монизма (включая неолиберализм), имеющие тоталитарный и регрессивный характер. Применение институционального плюрализма является единственно разумной альтернативой в процессе разработки ориентированной на развитие экономической политики в транзитивных странах.

Литература

- Baron D.* Private Politics Corporate Social Responsibility and Integrated Strategy // *Journal of Economics and Management Strategy*. 2001. № 1. P. 7–45.
- Berkowitz D. et al.* Economic Development, Legality and the Transplant Effect // *European Economic Review*. 2003. № 1. Vol. 47. P. 165–195.
- Chomsky N.* Profit iznad ljudi: neoliberalizam i globalni poredak. Novi Sad: Svetovi, 1999 (*Хомский Н.* Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002).
- Čakardić A.* Globalna neoliberalna demokracija u «minimalnoj» državi // *Filozofska istraživanja*, 2006. Br. 104. God. 26. Sv. 4. S. 849–860.
- Davis B.* In Effect, ITC's Steep Tariffs on Japan Protect U. S. Markers of Super-computers // *Wall Street Journal*. 1997. 29 Sept.
- Drašković V., Drašković M.* Anti-krizna ekonomska politika i inovaciono-institucionalni model privrednog rasta // *Ekonomija/Economics*. 2009. Br. 2. God. 16. Zagreb. S. 611–626.
- Drucker P.F.* Management Challenges for the 21st Century. N.Y.: Harper Business, 1999.
- Earle J.S. et al.* Ownership Structures, Patterns of Control, and Enterprise Behavior in Russia // *Simon Commander Q. Fan and Mark Schaffer (eds.). Enterprise Restructuring and Economic Policy in Russia*. Washington: The World Bank, 1996. P. 205–252.
- Mesarić M.* Dugoročna neodrživost tržišnog fundamentalizma i neoliberalnog kapitalizma // *Ekonomski pregled*. 2006. № 9–10. Zagreb.
- Mill J.S.* О slobodi. Beograd: Filip Višnjić, 1988 (*Милль Дж.* О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // *Наука и жизнь*. 1993. № 11. С. 10–15).
- North D., Thomas R.* The Rise of Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- The Global Competitiveness Report 2008–2009. World Economic Forum, 2008.
- Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. XXXVIII. № 3.

Перевод с сербского: Б.А. Ерзнкян

Рукопись поступила в редакцию 27.02.2012 г.